

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

ОДНА
ЛЮБОВЬ

Леонид Соловьев

Одна любовь

«ФТМ»

1954

Соловьев Л. В.

Одна любовь / Л. В. Соловьев — «ФТМ», 1954

«... На следующий день Иван Алексеевич уехал. И прошло еще двадцать шесть лет. Наши старики хорошо помнят эти годы: и первую германскую войну, и революцию, и гражданскую войну, и нэп, и великий перелом в деревне. Ивану Алексеевичу многое пришлось пережить, и вот пятидесятишестилетним стариком он вернулся в родное село. Здесь от Степана Лаптева он узнал, что Стешин первый сын, Михаил, утонул, а теперь около нее вытягивается и крепчает второй сын, Василий, белокрысый, долговязый парень, глядящий на всех взрослых исподлобья и постоянно грубящий матери своим сиповатым баском. И тогда с Иваном Алексеевичем приключилось нечто странное, что бывает уделом только высоких душ, напряженно и небесследно живущих на нашей земле. Он увидел знакомые места, увидел Стешу и с недоумением, сердечной мукой понял, что никогда не переставал любить ее. Поэтому и не женился, хотя вовсе не трудно было ему при его трезвости, деловитой солидности подобрать себе хорошую жену. «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной!..» Память сердца властвовала над ним. ...»

© Соловьев Л. В., 1954

© ФТМ, 1954

Леонид Соловьев

Одна любовь

Сидели ночью два московских рыболова у костра на берегу Оки. Для городских людей такие ночи – редкость, и оба не спали, наслаждаясь постреливанием хвороста в огне, наплывами теплого пахучего дыма в лицо, тяжкими всплесками рыбы у самого берега: все думалось обоим – не на крючке ли?

Было еще далеко до утреннего клева, до заветного часа, когда поднимается над рекой туман и камыш начнет, просыпаясь, вздыхать под ветром. Московские рыболовы коротали пустое время в ленивых разговорах с долгими паузами. Костер, просушив хворост, взялся гореть ярко и весело, с треском разбрасывая крупные искры, пришлось москвичам отодвигаться, чтобы не прожгло одежды. В это время слышались шаги, затем и негромкий голос.

– Разрешите к огоньку, товарищи дорогие!

Из темноты в освещенное пространство вышел человек лет шестидесяти в старомодных очках с узенькой латунной оправой, морщинистый, заметно сутулый. Поклонившись, он присел к огню, снял кепку, повесил на сучок; редкие волосы по обе стороны его широкой лысины скучно и постно сквозили над старческими оттопыренными ушами. Гостю предложили выпить, закусить. Он без ломанья, очень тонко, деликатно исполнил и то и другое. Затем счел нужным представиться: Лаптев Степан Иванович, счетовод колхоза «Красный путь», что на той стороне Оки. Здешний старожил, возвращается с похорон: предал земле старого друга-товарища, местного письмоносца Ивана Алексеевича Прибылова. Похоронил, да задержался и припоздал к парому, теперь ждать утра. Вот и завернул на огонек. Не бродить же одному всю ночь по берегу! Да, пришлось похоронить. Нелегкое дело – до старости с мальчишеских лет дружили. То-то золото был человек!..

Степану Лаптеву хотелось поговорить об усопшем, а москвичи все равно порешили до рассвета не спать – почему не послушать? И ночной гость рассказал им историю одной жизни, внешне малоприметной, но по внутреннему течению возвышенной и необычной. Гость говорил монотонным, глуховатым голосом, с грустной важностью человека, понимающего скорбную закономерность смерти, хоть горе в сердце и велико. И так шла эта грустная важность к ночной тишине, замирающему пламени костра, к пустынности уснувшей реки... К утру гость ушел, но покойный Иван Алексеевич словно бы остался у костра с москвичами – таким он был теперь ясным и близким для них!

Иван Алексеевич Прибылов был коренной сельский житель и холостяк – сочетание редкое, тем более что в молодости он считался завидным по красоте женихом. Ночной гость показал пожелтевшую фотографию прежних, далеких лет, перед уходом Ивана Алексеевича на Дальний Восток, на японскую войну. Какое чистое лицо, ясное, мужественное, глянуло на москвичей с этой фотографии, по-деревенски наивной, с обязательной гармонью через плечо, на ремне.

Он ушел в дальний край, унося в себе одну встречу на берегу Оки. Разгоряченный косябой, он к вечеру пошел искупаться, и когда, раздвигая кусты, ныряя под них, сдувая с потного лица паутину, вышел к воде, перед ним вдруг мелькнуло что-то белое и раздался испуганный слабый вскрик. Он сразу отвернулся, хотел уйти, но вросли в землю ноги, окаменел. И голоса своего не узнал: какой-то чужой, придушенный и сиплый.

– Да ты одевайся, не бойся... Да ты не подумай, что нарочно я, вот тебе крест!..

Она уже опомнилась и, проворно одеваясь за его спиной (прост был тогда женский наряд в деревне), сказала без гнева:

– Леший тебя носит по кустам не ко времени.

– Искупаться думал, а здесь ты на моем, на самом коренном месте...

– Деньги ты за него платил, за это место? Коряжник бы со дна повыбрал – ногу я содрала.

Неловкость быстро прошла, они вдвоем посмеялись над этим случаем и сели рядом на лежащую, подмытую в половодье ольху, прикинувшую к воде сухой вершиной. Просвеченная косым вечерним светом вода была зеленовато-золотистой, в черных прутьях ольхи гуляли-ходили голавлики, повиливая хвостами.

Начался разговор – один из тех, что запомнить можно только сердцем, а разумом, в словах, запомнить нельзя. Ее звали Стешей; они с Иваном Алексеевичем много раз встречались на улице, но держались порознь и горько думали – каждый в отдельности – о своем сокрытом страдании. А здесь, на берегу, все это объяснилось: что страдание было взаимное. Они расстались женихом и невестой – как раз накануне отъезда Ивана Алексеевича в город на призыв. Тогда же на берегу он, весь замирая, трепетными губами в первый раз поцеловал Стешу. Она заплакала, как будто предчувствуя, что второму поцелую долго не быть...

Так оно и получилось: между первым поцелуем и вторым прошло много лет, целая жизнь, полная для каждого из них неизменной любви, которая всегда была жива и никогда не сливалась.

На следующий день чем свет отец увез ее в дальнее село на базар присматривать за подвой, пока сам он займется покупками. Иван Алексеевич ничего об этой поездке не знал. Так и не удалось ему еще разок взглянуть на Стешу перед разлукой. Он закручинился и до самого отъезда просидел в избе со старухой матерью наедине. Да что ж поделаешь: подводы готовы, и рекруты, хмельные со вчерашнего дня, с гармошками, песнями, озорной руганью, усаживаются в них. Целуй, Иван Алексеевич, старуху, прощайся с домом, со своим дружкой Степаном Лаптевым да шепни ему словечко для Стешки!.. «Поехали!..» – «Последний нонешний денечек, э-эх!..» Иван Алексеевич – единственный трезвый на подводе, и слезы ему застыли глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.